

Однако составитель ростовской летописи XIII в. не сам составил повесть о Калкской битве, а лишь обработал ее, упомянув о Васильке и основательно сократив. В руках у ее составителя была Владимирская великокняжеская летопись 1228 г. В ней уже имелось описание Калкской битвы, более подробное, чем то, которое сохранилось сейчас в Лаврентьевском списке. Как можно думать сейчас, принимая во внимание общую историю владимирско-суздальского летописания, рассказ о Калкской битве был включен во владимирский свод 1228 г. из Летописца Переяславля Южного (или Русского). К этому летописанию, как известно,¹ восходили все южнорусские известия Владимирского великокняжеского летописания (в 1177 г. во Владимире был использован епископский летописец Переяславля Русского, в 1193 г. — княжеский летописец Переяславля Русского; в 1212 г. был вновь привлечен к составлению владимирского свода княжеский летописец Переяславля Русского; наконец, в 1228 г. были в четвертый раз использованы летописные источники Переяславля Русского). В числе этих южных переяславских летописных известий, перенесенных во Владимирский свод 1228 г., читалась и известная повесть о Калкской битве, составленная, следовательно, между 1223 и 1228 гг. — сразу же после событий на Калке.

Эта повесть, перенесенная вместе с рядом других южнорусских известий из Переяславского летописания в состав Владимирского великокняжеского свода 1228 г., через десять лет подверглась сокращению и незначительным дополнениям при включении в ростовскую летопись. В этом исправленном ростовским летописцем виде повесть о Калкской битве читается теперь в составе Лаврентьевской летописи.

Таким образом, в Лаврентьевской летописи за годы 1207—1239 идут ростовские летописные записи, несущие в себе типические черты ростовского летописания, и под 1224 г. ростовская версия повести о Калкской битве.

И вот, вопреки утверждениям историков былевого эпоса, что первые известия об Александре Поповиче должны были сохраниться именно в ростовском летописании (Александр Попович — ростовец), никаких упоминаний в этой древнейшей ростовской летописи о ростовском „храбре“ Александре Поповиче — нет. Наоборот, бестактный восторг летописца вызывает именно отсутствие ростовцев в этой битве.

Впоследствии ростовское летописание неоднократно привлекалось при составлении московских общерусских сводов XV в. Ростовское летописание усвоили свод Киприана, Владимирский Полихрон Фотия и др. Те ростовские летописи, которые были использованы в позднейших общерусских летописных сводах XV и XVI вв., дают самые ничтожные

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 64 и сл.